

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ США К КОНФЛИКТАМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

© 2017 г. **А.И. Шумилин***

Статья поступила в редакцию 07.11.2016.

В отличие от политики Дж. Буша-мл., администрация Обамы стремилась уклоняться от непосредственной вовлечённости в ближневосточные конфликты, предпочитая действовать через своих арабских (суннитских) партнёров. Те, в свою очередь, настаивали на более активном участии США на своей стороне в конфликтах в Сирии и Йемене. Возникшие разногласия между арабскими партнёрами и Вашингтоном вынудили последний пойти на создание широкой коалиции по борьбе с запрещённой в России группировкой "Исламское государство".

Нормализовать отношения с арабскими партнёрами администрация Обамы попыталась посредством проведения встречи высокого уровня в середине мая 2015 г. Завершилась она принятием совместного коммюнике, в котором провозглашалось "новое партнёрство ССАСПЗ с Соединёнными Штатами". Главная его особенность по сравнению с прежним форматом партнёрства состоит в том, что в отличие от полной гарантии безопасности арабских монархий отныне речь идёт об обязательстве Вашингтона поставлять им современное вооружение, наращивать взаимодействие в сфере обеспечения безопасности морских путей, в киберпространстве, а также в области борьбы с терроризмом, содействовать в подготовке воинских частей этих государств, а также наладить систему противоракетной обороны в масштабах всего Западного побережья Залива. Особо оговаривалось, что основной боевой силой должна стать совместная армейская группировка арабских монархий, которую, по сути, и намерен вооружать и тренировать Пентагон. Не менее важным элементом "нового американо-арабского партнёрства" стало подтверждение сторонами готовности противодействовать "дестабилизирующей активности" Ирана. Тем самым были смягчены или даже сняты опасения лидеров арабских монархий, что при Обаме США могут перейти к партнёрским отношениям с Ираном в ущерб монархиям.

Ключевые слова: партнёрство США с монархиями Залива, сирийский конфликт, йеменское противостояние, широкая коалиция, деятельность ИГИЛ, борьба с терроризмом, "новое американо-арабское партнёрство", новая модель поведения в конфликтах.

На протяжении последних трёх лет (с конца 2013 г.) администрация Обамы последовательно прилагала усилия к сокращению активной вовлечённости США военными средствами в конфликтных зонах Ближнего Востока, пытаясь компенсировать их политико-дипломатическими инструментами. Последние,

* Шумилин Александр Иванович – доктор политических наук, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (mideast@mail.ru)

однако, в большинстве случаев оказались малоэффективными, что привело к заметному снижению политического влияния Вашингтона среди его ближневосточных союзников и партнёров, отчётливо выразивших своё разочарование политикой Барака Обамы. В результате администрация была вынуждена затрачивать немалые усилия на переформатирование отношений с американскими союзниками таким образом, чтобы, добиваясь своих целей, одновременно предотвратить усиление военно-политических позиций России в регионе.

Между тем, восстановление взаимопонимания с ближневосточными партнёрами и тупик в переговорном процессе урегулирования сирийского кризиса всё заметнее подталкивают Вашингтон к частичному возвращению силового инструментария в его ближневосточную повестку. Именно на этом настаивают, в частности, арабские монархии Персидского залива. Впрочем, и значительная часть сотрудников Государственного департамента считает, что США должны прибегнуть как минимум к **угрозе** применения силы в отношении армии Асада, а лучше, полагают они, и применить её в ограниченном масштабе с целью принудить правительство к конструктивным переговорам или вовсе сместить Башара Асада¹. Тем не менее, администрация Обамы стремится избежать военной вовлечённости в конфликтные ситуации.

Задача данной статьи – выявить реперные точки, обусловившие изменение американской политики в регионе, вскрыть причины появления новой модели поведения США в конфликтных ситуациях. Эволюция этой модели будет рассмотрена на фоне значимых событий в самом регионе, на поле боя в Сирии, Ираке и Йемене, а также с учётом развития стратегических установок администрации Обамы.

Доктринально обоснованное отступление

В конце сентября 2016 г. политический истеблишмент США был потрясён уникальным для двух президентских сроков Барака Обамы событием: Конгресс (Палата представителей и Сенат) не только принял законопроект “Правосудие против спонсоров терроризма” (*Justice Against Sponsors of Terrorism Act*), но и добился преодоления наложенного на него президентского вето. Документ был воспринят как крайне недружественный прежде всего Саудовской Аравией, которая напрямую упоминается в тексте законопроекта в связи с возможной причастностью государственных структур к терактам 11 сентября 2001 г. Власти королевства обещали принять ответные меры против США прежде всего в экономической сфере – вывести большую часть своих финансовых авуаров, размещённых в американских банках.

Таким образом отношения между Эр-Риядом и Вашингтоном вновь – в который раз за годы президентства Обамы – осложнились. На сей раз, однако, не в связи с действиями президента, а даже несмотря на его усилия воспрепятствовать вступлению в силу указанного законопроекта. Преодоление Конгрессом вето Обамы означало провал последней попытки уходящего

¹ U.S. Officials Seek to Limit Fallout from Internal Dissent on Syria. – *Reuters*. 17.06.2016. Available at: <http://www.fromthetrenchesworldreport.com/u-s-officials-seek-to-limit-fallout-from-internal-dissent-on-syria/162559> (accessed 20.06.2016).

президента как-то “залечить раны” в традиционных партнёрских отношениях между США и арабскими монархиями Персидского залива. Теперь очевидно, что Барак Обама войдёт в американскую историю как президент, при котором были ощутимо подорваны отношения с ближайшими и важнейшими партнёрами и союзниками США в Персидском заливе и арабском мире в целом. А контекстом и фоном для постепенной трансформации ближневосточной политики США стала череда событий, именуемых “арабской весной”.

Разразившиеся с января 2011 г. в ряде арабских стран политические потрясения “арабской весны” (Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия) дали пищу любителям политической конспирологии представить события как результат очередного “американского заговора”, как реализацию на практике “теории управляемого хаоса” и т.д. Однако непредвзятый анализ причин политических потрясений подобного рода подводит к прямо противоположному выводу: эти события застигли американскую администрацию врасплох в момент, когда она была занята другими задачами в регионе, в частности, прорабатывала и согласовывала конкретные даты и график завершения своего военного присутствия в Ираке и Афганистане. Одновременно администрация планировала добиться серьёзного прорыва на палестино-израильском направлении, подвигнув стороны к возобновлению прерванных переговоров. Потрясения в арабских странах (заметим, что преимущественно с проамериканскими режимами) тем самым существенно омрачили ожидавшийся администрацией позитивный эффект от её усилий в направлении продвижения к миру в регионе. Всё это абсолютно очевидно для непредвзятых российских экспертов, наблюдавших за происходившим тогда в регионе. Так, отвечая на вопрос корреспондента “Российской газеты”, авторитетный востоковед, академик Евгений Примаков сказал следующее: “Это была полная неожиданность. И не только для меня – для всех: для американцев, для европейцев, для самих арабов... Выступления против авторитарного режима в какой-то одной стране были возможны. Переворот где-то мог быть ожидаемым. Но чтобы вот так – волна прокатилась по всему региону, – этого никто не предполагал... Египет, ‘заразившись от Туниса’, стал основным ядром ‘арабской весны’, оттуда волна пошла дальше – в Ливию, Сирию, Йемен, Бахрейн. Такой масштаб стал, повторяю, неожиданным для всех”².

Более того, явно проявившаяся неготовность США к такого рода глубоким потрясениям, отсутствие концептуального видения и инструментария для урегулирования возникших проблем – всё это привело к краткосрочному кризису ближневосточной политики администрации Обамы, наиболее ярко выразившемуся, как уже отмечалось, в неудовольствии и даже раздражении ближайших союзников США в регионе – как со стороны умеренных арабских режимов, так и со стороны Израиля. Но политически и электорально (с учётом избирательной кампании 2012 года) наиболее значимой проблемой для администрации Обамы стал её подход к ситуации в Ливии, где мирные протесты населения довольно быстро переросли в вооружённое противостояние части на-

² Снегирев В. 2012. Очень Ближний Восток. Интервью с Евгением Примаковым. – *Российская газета*. №5853 (180). 08.08.

селения с режимом полковника Муаммара Каддафи. Подход администрации Обамы к участию в разрешении ливийского кризиса обернулся серьёзными испытаниями в её отношениях с обеими палатами Конгресса. Нелёгким оказалось и финансовое бремя операции: к середине сентября 2012 г. – накануне ноябрьского голосования – расходы на неё приблизились к миллиарду долларов. Впрочем, не столько эта внушительная сумма из госбюджета, брошенная на борьбу с “ливийским тираном”, смущала большинство американцев, сколько... невнятность практических шагов администрации Обамы по вовлечению в ливийский кризис. Именно тогда многие сограждане задались вопросом: “А в чём, собственно, суть на первый взгляд странной и звучащей противоречиво внешнеполитической концепции или даже доктрины их президента, время от времени формулировавшейся его командой как *Leading from Behind* (‘руководство с задних рядов’)”.

Вопрос о так называемой “доктрине Обамы” – *упорядоченной системе взглядов на цели, задачи и характер внешнеполитической деятельности его администрации, а также на способы её реализации и обеспечения* – был и остаётся предметом дискуссий в экспертном сообществе США. Похоже, что Барак Обама войдёт в историю как один из редких президентов США, не предложивших чёткой формулировки своей внешнеполитической доктрины. Дело в том, что команда президента и его сторонники предпочитают говорить не о “доктрине”, а об “упорядоченной системе взглядов” Обамы на внешнеполитические проблемы и вызовы (как раз в логике вышеупомянутой концепции *Leading from behind*), видимо, полагая, что уход от жёстких формулировок, характерных для доктрины, обеспечивает администрации большую свободу действий на практике и делает менее актуальным выстраивание особой концепции идеологического обеспечения внешней политики. Политические же соперники Обамы пытаются по-своему, т.е. в критическом ключе, трактовать действия президента на внешнеполитической арене, прибегая при этом к произвольному формулированию того, что им представляется “доктриной Обамы”. В результате то, что в американской политической культуре воспринимается как “доктрина”, т.е. *понимание действующим президентом миссии страны на данном этапе*, предстаёт не как стройная система взглядов, логично вытекающая из документов и заявлений президента, а как синтез базовых документов, заявлений президента и их толкование аналитиками. Иными словами, то, что можно условно назвать “доктриной Обамы”, есть скорее не продукт усилий команды его стратегов, а результат интерпретаций в публичном пространстве заявлений и действий президента США. “Похоже, Обама медленно приближается к формулированию некоего подобия доктрины. Один из его советников охарактеризовал действия президента в Ливии как ‘руководство с задних рядов’”, – писал в журнале “Нью-Йоркер” известный аналитик Райян Лизза [Lizza R. 2011].

Тезис “*Leading from behind*” как концептуальный посыл заимствован помощниками Обамы из автобиографических мемуаров Нельсона Манделы, где тот утверждал, что в ближайшие десятилетия “наиболее эффективными лидерами станут те, которые будут в состоянии ‘управлять со стороны’, а не с ‘передовых позиций’” [Mandela N. 1995]. Обращаясь к этой идее в виде основы

вероятной концепции, вышеупомянутый Райяном Лиззой, но неназванный по имени советник Обамы считает, что приемлемость этой концепции сегодня объясняется двумя факторами: первое – относительным сокращением мощи США на фоне возрастания мощи его соперников, например, Китая; второе – высокой степенью антиамериканских настроений в различных странах мира [Lizza R. 2011].

Попытка аккуратного вброса в медиа-пространство этих идей обернулась весьма острой дискуссией как в популярных СМИ, так и в специальных научных журналах. Противники Обамы решительно обвинили его в приверженности мировоззрению и позициям пораженчества, что само по себе способно ослабить Америку.

Трудности формулирования командой Обамы чёткой доктрины во многом объясняются, на наш взгляд, пониманием стратегами Белого дома того факта, что некоторые принципиальные установки действующего президента не могут быть оформлены в доктринальном ключе, поскольку в этом случае *они вряд ли будут поддержаны большей частью сограждан*. Проблема в том, что стратегические послы Обамы изначально были связаны с такими мероприятиями, как вывод американских войск, сокращение масштабов их присутствия на Ближнем Востоке, с умиротворением противника, с размытием понятия “противник”, в отходе от тактики давления на противника, с сокращением масштабов односторонних действий, что означало усиление зависимости США от позиции “мирового сообщества” (Белый дом при Обаме начал отдавать предпочтение “коллективным действиям” в отличие от односторонних, как это было при Дж. Буше-мл.) и т.д. В сжатом – доктринальном – виде эти установки скорее воспринимаются многими американцами как признаки “ослабления влияния США в мире”, “пораженчество и слабость”. Попытки же команды Обамы предложить типичные для президентских доктрин “утвердительные и наступательные” формулировки выглядят как общие и зачастую малоосмысленные тезисы (например, заявление Обамы о том, что вооружённые силы США могут применяться тогда, “когда нет прямой угрозы нашей безопасности, но есть угроза нашим интересам и ценностям”). Формулировка, заметим, весьма абстрактна и выглядит подвешенной в условиях отсутствия определения “враждебного поля”, т.е. понятия противника.

Усилия аналитиков – прежде всего в самих США – оценить действия администрации Обамы в мире путём выявления закономерностей в этом поведении резко активизировались после вступления США в международную коалицию в связи с ливийским кризисом (март 2011 г.), а также после решения администрации направить в Уганду (14 октября 2011 г.) сотню спецназовцев с заверением Конгресса в том, что, несмотря на полную военную экипировку, они будут выполнять миссию “советников правительственных сил Уганды в борьбе с повстанческой группировкой ‘Армия сопротивления Господа’ (*Lord's Resistance Army, LRA*)”³. Обе акции администрации вызвали серьёзные про-

³ The Deployment of U.S. Forces in Central Africa and Implementation of The Lord's Resistance Army Disarmament and Northern Uganda Recovery Act. – U.S. Department of State, 25.10.2011. Available at: <http://www.state.gov/p/af/rls/rm/2011/176160.htm> (accessed 30.10.2011).

тесты в Конгрессе – главным образом со стороны представителей Республиканской партии, которые считают, что они слабо подготовлены инфраструктурно, недостаточно стратегически спланированы и юридически выверены (в соответствии с американским законодательством), а потому могут привести к негативным результатам, включая вовлечение США в долгосрочные боевые действия (на манер вьетнамской войны)⁴. Между тем эти два примера вполне органично укладываются в традиционную линию поведения администраций демократов применительно к конфликтным ситуациям в мире [Шумилин А. 2015]. Напомним, что демократические администрации в Вашингтоне в целом, как правило, с трудом “управляют” (точнее – обеспечивают эффективное посредничество) внешними конфликтами (например, Югославия – 1999 г., Ливия – 2011 г.), что во многом объясняется их приоритетной ориентацией на положения международного права, которое, как считают их оппоненты-республиканцы, во многих случаях существенно ограничивает рамки применения вооружённых сил, ставя под сомнение результативность и исход операции. Также по традиции демократы заявляют себя сторонниками “коллективных действий”, что затрудняет порой эффективное планирование боевых операций.

“При решении проблем национальной безопасности демократы ориентируются больше на желаемый результат, чем на пути и необходимые средства его достижения. Демократы предпочитают право силы, однако используют для этого и военные инструменты, особенно не задумываясь о порядке и последствиях их применения”, – справедливо отмечается в одном из аналитических документов РФ⁵. Иными словами, не системность, выверенность и тщательность расчёта нередко положены в основу реакции демократов на тот или иной вызов извне, а *стремление обеспечить символичность этой реакции, что порой напоминает действия эмоционального, а не рационального порядка*. И здесь уместно вспомнить “доктрину Клинтона” – “доктрину интервенционизма”, т.е. применение силы для нанесения разовых ответных ударов или ограниченных операций в качестве реакции на неблагоприятное развитие событий в той или иной точке мира. Такие несистемные удары спонтанно наносились администрацией Клинтона по объектам в суданской столице Хартуме (например, в августе 1998 г.) и по объектам в Ираке при Саддаме Хусейне, который нарушал положения резолюций ООН.

В отличие от демократов, для республиканских администраций закономерным считается другой тип реагирования на внешние вызовы. В его основе лежат такие категории, как “жёсткий реализм”, “доминирование национальных интересов”, выраженный приоритет внешних проблем над внутренними, ориентация на использование силовых инструментов и на поддержку союзников

⁴ McCain on sending troops to Africa: Be careful – CNN, 16.10.2011. Available at: <http://politicalticker.blogs.cnn.com/2011/10/16/mccain-on-sending-troops-to-africa-be-careful/> (accessed 20.10.2016).

⁵ Доктрины и концепции национальной безопасности США, Франции и Японии. – АНО ЦИИ. Бюджетная система Российской Федерации. Available at: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2000/vestniksf117-05/vestniksf117-05030.htm>. (accessed 13.10.2016).

(при сохранении лидирующей роли США) и выработку такой стратегии, цели которой могут и должны быть достигнуты. Для республиканской администрации, как правило, характерно стремление предотвратить втягивание страны в незапланированные боевые действия, к чему может привести популизм и политический авантюризм, стилистика которых, как правило, отвергается. Показательны в этом отношении республиканские доктрины Рейгана (с её жёстко определённым тезисом “СССР – империя зла”) и Дж. Буша-мл. (“Кто не с нами в борьбе с терроризмом, тот против нас”).

В отсутствие чёткого доктринального обоснования внешнеполитического курса США при администрации Обамы, её противники в экспертно-аналитическом сообществе дают произвольные, как правило, жёстко-критические оценки так называемой “доктрины Обамы”. Так, например, известный аналитик правоконсервативного толка Найл Гардинер описывает “доктрину Обамы” как концепцию, ориентированную преимущественно на *“нормализацию отношений Америки с её противниками, чем на укрепление отношений с союзниками”*. По его словам, “перезагрузка” отношений с Россией оказалась для администрации Обамы “гораздо более значимой целью, чем, например, работа над улучшением отношений США с Польшей, Чехией и балтийскими странами”⁶.

В той же логике оцениваются и усилия администрации по возобновлению и продвижению палестино-израильских переговоров: мол, Обама делал гораздо больше жестов в адрес палестинцев – за счёт израильской стороны. Челночную дипломатию госсекретаря США Дж. Керри в конце 2013 – начале 2014 г. в Израиле подвергли небывалой критике: например, министр обороны этой страны Моше Яалон назвал Керри человеком, “обуянным навязчивыми идеями и мессианскими устремлениями”⁷. И добавил, что, если Керри получит Нобелевскую премию мира и оставит Израиль в покое, то это будет спасением для еврейского государства⁸. Известный же американский аналитик правоконсервативного толка Дж. Болтон так определяет суть подхода администрации демократов к палестино-израильской проблеме: “У палестинцев нет легитимных институтов, способных принимать непростые решения, которые включали бы в себя рискованные уступки и компромиссы, институтов, способных противостоять ‘Хамасу’ и другим террористам. Без этих институтов невозможно найти долгосрочное решение проблем. Переговоры с Палестинской автономией имеют не больше смысла, чем переговоры с голограммой. Обама же странным образом видит проблему на израильской стороне”⁹.

Странное партнёрство

⁶ Gardiner N. 2011. Obama Not Leading, Even From Behind – *The Heritage Foundation*. 1.06. Available at: <http://www.heritage.org/research/commentary/2011/06/obama-not-leading-even-from-behind> (accessed 15.06.2011).

⁷ Defense Minister: Kerry is 'Obsessive and Messianic' – *Yediot Ahronot*. 14.01.2014.

⁸ Ibidem.

⁹ Bolton J. 2014. The Coming Crash of American Diplomacy in the Middle East – *The Los Angeles Times*. 18.02.

Поведение США в сирийском кризисе представляется центральной, важнейшей и наиболее чувствительной проблемой для ближневосточной политики администрации Обамы. Однако она не единственная. Напряжение с партнёрами и союзниками обозначилось практически по всем ключевым для США направлениям политики в регионе – в отношениях с Египтом, Израилем, всеми монархиями Персидского залива, а также в немалой степени и с Ираком, который ещё недавно находился практически под полным контролем США.

Первой и, пожалуй, самой главной точкой излома в отношениях Вашингтона с ближневосточными союзниками стала так называемая “химическая сделка”, заключённая в сентябре 2013 г. между президентами России и США. Речь идёт о плане ликвидации арсенала химоружия, которым располагал режим Башара Асада, в обмен на отказ администрации Обамы наносить удары по ряду объектов сирийской правительственной армии. Оппонентов этой договорённости между Россией и США – а это прежде всего суннитские арабские монархии Персидского залива – изначально заботила не столько возможность избавления режима Асада от химоружия, сколько отчётливо просматривавшаяся перспектива усиления режима и частичной “легитимизации” самого Башара Асада в глазах западного сообщества как партнёра по претворению в жизнь “химической сделки”. Напомним, что на протяжении года, в течение которого осуществлялся вывоз запасов химоружия с территории Сирии (с осени 2013 г. по осень 2014 г.), мировое сообщество в лице постоянных членов Совбеза ООН обязалось воздерживаться от вмешательства во внутрисирийский конфликт, что де-факто развязывало руки дамасскому руководству для наращивания наступательных операций против своих противников при поддержке России и Ирана. Оппозиционные режиму повстанческие группировки оказались в значительной мере парализованы и деморализованы. Эта ситуация хаоса стимулировала резкое усиление позиций и влияния радикальных террористических организаций, в частности, той, которая в конечном счёте получила название “Исламское государство Ирака и Леванта” (ИГИЛ или *араб.* – ДАИШ).

Позиция и действия администрации Обамы вызвали широкий спектр негативных реакций в среде элит арабских монархий Залива – от недоумения до резко критических, почти оскорбительных (в прессе) оценок. Особую активность в информационном плане проявляли саудовцы, что практически вылилось в политико-информационное противостояние между Эр-Риядом и Вашингтоном. Можно с уверенностью утверждать, что этот период воплощал самую низкую точку американо-саудовских отношений за всю их историю. Так, например, влиятельный член королевской семьи в Эр-Рияде принц Турки аль-Фейсал назвал “прискорбными” действия администрации Обамы в отношении Сирии¹⁰, поскольку изначально договорённость по химоружию, по его мнению, давала “зелёный свет” войскам Асада одержать верх над повстанцами – в случае, понятно, если правительственная армия не будет замечена в примене-

¹⁰ Turki bin Faisal al-Saud. Has Iran Changed? – Project Syndicate, 08.01.2014. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/turki-bin-faisal-al-saud-assesses-the-continuing-threat-of-iranian-influence-in-the-middle-east>. (accessed 20.01.2014).

нии химических боезарядов¹¹. В стратегическом аспекте “химическая сделка”, полагают критики Обамы, работает на Башара Асада, а Белый дом попадает в “мягкую ловушку миротворчества”.

Показателен в этой связи пассаж из выступления Турки аль-Фейсала на 22-й сессии Арабо-американской конференции 25 октября 2013 г. Среди прочего он, в частности, выделил следующее: “Шарада с международным контролем над химическим арсеналом Башара Асада могла бы выглядеть забавной, если бы не была столь откровенно коварной, предназначенной не только для того, чтобы дать господину Обаме возможность отступить, но и помочь Асаду продолжить избиение своего народа... Если люди повсюду, особенно американцы, полагают, что изъятие химоружия у Асада остановит убийства им невинных детей и женщин в Сирии, то подобие рационального мышления, гуманитарные цели, да и понимание своего национального интереса – всё это пора забыть. Помешать Асаду всеми доступными средствами, в том числе точечными ударами по его ВВС, контрольным и командным центрам, – это единственный способ достичь завершения, включая политико-договорное оформление ‘мясорубки’ в Сирии”.

Аналогичную “ловушку”, утверждают критики администрации, расставил для США и новый президент Ирана Хасан Роухани своими заявлениями и действиями на стадии подготовки и окончательного оформления “ядерной сделки” с “шестёркой” международных посредников (пять постоянных членов ООН плюс Германия). Речь идёт о подписанном “шестёркой” 24 ноября 2013 г. промежуточном соглашении (“Совместный план действий”), предусматривающем “замораживание” Ираном предполагаемых военных аспектов своей ядерной программы в ответ на постепенное “размораживание” иранских активов в западных банках, смягчение и постепенную отмену антииранских санкций. В июле 2015 г. эта договорённость получила продолжение в виде более основательного “Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана” (СВПД). Оба упомянутых документа вызвали сдержанно негативную реакцию как руководства Саудовского королевства, так и Израиля, которые считают недостаточной прежде всего систему контроля за выполнением Ираном своих обязательств.

Оппоненты Обамы упрекают его в излишне поспешной и неоправданно позитивной реакции на “сладкие речи” Роухани. Например, Дж. Болтон – один из последовательных критиков Барака Обамы – так оценивал ситуацию: “Сразу после того, как Владимир Путин сыграл с Белым домом ‘в дурака’ по Сирии, Обама был унижен иранским президентом Хасаном Роухани, несмотря на неистовые попытки Белого дома осуществить рукопожатие. В пятницу, 27 сентября, после короткого телефонного разговора с Роухани Обама заявил, что с Ираном возможно достичь ‘всеобъемлющего решения’ проблемы. И это, не-

¹¹ AUSPC2013 | Exercising Its Role in World Affairs – Prince Turki Keynote // SUSRIS. 25.10.2013. Available at: <http://susris.com/2013/10/25/auspc2013-exercising-its-role-in-world-affairs-prince-turki-keynote/> (accessed: 30.10.2013)

смотря на абсолютно безрезультативную встречу накануне между Дж. Керри и его иранским коллегой Мохаммедом Джавадом Зарифом”¹².

В том же духе оценивает возникшие между Эр-Риядом и Вашингтоном проблемы М. Лендлер, влиятельный аналитик газеты “Нью-Йорк таймс”: “Саудовская Аравия обескуражена нежеланием Обамы сделать что-то большее для поддержки повстанческих сил в Сирии. Саудовцы поставляли оружие повстанцам во многом ещё и потому, что рассматривают гражданскую войну там как ‘битву по доверенности’ между арабами-суннитами, с одной стороны, и активно поддерживающими Башара Асада шиитами Ирана – с другой. Осложнения с Вашингтоном нарастали в период общего ослабления прежде крепких отношений с Эр-Риядом – отчасти, кстати, из-за уменьшения зависимости США от саудовской нефти, а также из-за потрясений ‘арабской весны’, особенно в Египте. Все эти проблемы вышли на поверхность в контексте ядерной дипломатии в отношении Ирана”¹³.

При том, что официальные лица в Эр-Рияде (как и в других арабских монархиях Персидского залива) воздерживались от прямой критики Вашингтона, саудовские СМИ и ведущие эксперты королевства и монархий Залива не скупились на критические выражения в адрес США, обосновывая необходимость для королевства переходить от своей традиционно “реактивной” политики в регионе к “проактивной”. Иными словами, меньше полагаться на американского партнёра, выстраивая собственную стратегию и планы действий в отношении пылающих конфликтов”¹⁴.

Абдельазиз Сагер, руководитель Исследовательского центра стран Персидского залива, считает, что именно “нерешительность” Обамы подвигает Саудовскую Аравию к проведению более активной политики в регионе, формально призванной компенсировать “слабость” Соединённых Штатов. “В случае с Сирией отсутствие решительности со стороны такой ключевой державы, как США, подвигло саудовскую элиту к пониманию того, что её прежняя модель поведения, а именно ‘не выпячивания своей роли’, уже не работает; требуются большие активность и действенность в региональных делах с тем, чтобы обеспечить интересы королевства, – пишет А. Сагер. – Осознание того, что внутривосточные интересы существенно более значимы (для Обамы. – А.И.), чем международная роль, которую США играли до сих пор, только усилили убеждённости (в необходимости новой политики Эр-Рияда. – А.И.). В результате Саудовская Аравия – помимо своей воли – оказалась вынужденной играть новую роль, к которой она никогда не стремилась”¹⁵.

В контексте вышеизложенного важно выделить следующее событие: 18 октября 2013 г. Эр-Рияд публично и громко отказался занять место в Совете

¹² Bolton J. 2013. How Rouhani is Playing Obama – *AEI*. 29.09. Available at: <http://www.aei.org/article/foreign-and-defense-policy/how-rouhani-is-playing-obama/> (accessed 05.09.2013).

¹³ Landler M., Cooper H. 2011. Interests of Saudi Arabia and Iran Collide, with the U.S. in the Middle – *The New York Times*, 17.03.

¹⁴ Nawaf Obaid. 2013. The Iran Deal: A View from Saudi Arabia. – *Iran Matters*. 03.12. Available at: <http://iranmatters.belfercenter.org/blog/iran-deal-view-saudi-arabia>

¹⁵ Sager A. 2014. Challenging Times for Saudi Foreign Policy. – *Arab News*, 23.01.

Безопасности ООН в знак несогласия с позицией его постоянных членов прежде всего по проблеме Сирии¹⁶. Накануне этого шага – 8 сентября 2013 г. – в “Нью-Йорк таймс” была опубликована статья весьма знаковых, приближенных к королевской семье в Эр-Рияде, журналиста Джамаля аль-Хашогги и политолога-аналитика Навафа Обейда под названием “Арабский D-Day” (*The Arab D-Day*), в которой они призвали арабов отбросить характерную для американцев и европейцев сдержанность с тем, чтобы незамедлительно приступить к военной интервенции в Сирии под эгидой Лиги арабских государств, свергнуть “кровавого правителя” Башара Асада и тем самым остановить кровопролитие в этой стране и предотвратить её превращение в “иранскую провинцию”¹⁷. Это означало, что американская администрация впервые за весь период после Второй мировой войны поставила под вопрос традиционно устойчивые отношения США сразу с обоими их основными партнёрами в регионе – Израилем и Саудовской Аравией.

Недовольство Эр-Рияда и других арабских монархий Залива вызывал подход Вашингтона не только к кризису в Сирии, но и к конфликтным ситуациям (кстати, во многом порожденным эффектом “арабской весны”) в двух других арабских странах Персидского залива и Аравийского полуострова – на Бахрейне и в Йемене [Шумилина И. 2015: 29.].

Обращаясь к внутривосточному конфликту на **Бахрейне** следует пояснить, что позиция администрации Обамы изначально не могла не вызвать недовольства арабских (суннитских) монархий, несмотря на тот факт, что в данном случае подход США был принципиально тем же, что и в случае с Сирией, Египтом, Тунисом или Ливией. А именно: ко всем перечисленным странам, охваченным потрясениями “арабской весны”, Вашингтон относился, по сути, с одинаковыми мерками и принципами:

а) настаивал на правомерности протестных выступлений широких масс против несменяемой власти;

б) обращался к властям с требованием проведения реформ в демократическом ключе;

в) осуждал силовые действия властей по отношению к мирно протестующим демонстрантам.

По сути, с этим подходом Вашингтона практически во всех случаях солидаризировались и Эр-Рияд, и элиты других суннитских монархий. Во всех – кроме случая с Бахрейном. И это по одной единственной причине – достаточно массовые волнения на социально-политической почве в этом островном государстве быстро приняли характер секторального (внутрирелигиозного противостояния). Дело в том, что большинство населения на Бахрейне принадлежит к шиитской ветви ислама, а потому и сами протесты вскоре начали восприниматься (да, пожалуй, и стали таковыми на деле) как “движение шиитских масс за свержение суннитской правящей семьи аль-Халифа”.

¹⁶ Saudi Arabia Rejects UN Security Council Seat – *SUSRIS*, 18.10.2013. Available at: <http://susris.com/2013/10/18/saudi-arabia-declines-un-security-council-membership/>. (accessed 25.10.2013).

¹⁷ Obaid N., Khashoggi J. 2013. The Arab D-Day. – *The New York Times*. 8.09.

Разумеется, не обошлось и без вмешательства со стороны соседнего Ирана, религиозно-политическая верхушка которого охотно возрождает амбиции своих предшественников, на протяжении веков мечтавших вернуть “заблудший остров” (Бахрейн) в лоно “отчизны-матери”. Следовательно, с точки зрения арабских монархий Залива, поощрять требования протестующих масс в этом островном государстве означает, по сути, способствовать его “шиитизации” с последующим неизбежным присоединением к Ирану. Не удивительно, что уже в самом начале массовых волнений на Бахрейне (февраль 2011 г.) по просьбе правительства этой страны в марте Саудовская Аравия и ОАЭ ввели ограниченный полицейский контингент для наведения порядка. Сделано это было на основе устава Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и соответствующего оборонительного пакта с уведомлением Соединённых Штатов, но без расчётов на возможное участие США в этой операции.

Арабы решили не затягивать с консультациями с Вашингтоном, поскольку тщетность ставки на практическое содействие со стороны США была очевидной. Применительно к ситуации на Бахрейне администрация Обамы не скрывала своего замешательства. Она явно оказалась между молотом и наковальней – между основанной на базовых ценностях стратегией, лежащей в подходе к феномену “арабской весны” в целом, с одной стороны, и геополитическими расчётами своими и своих региональных партнёров (арабских монархий Залива) – с другой. Действительно, как следовало поступать команде Обамы, которая вместе с арабскими элитами характеризовала протестные движения в Сирии, Египте, Ливии и Тунисе как законные и оправданные, а в отношении, по сути, таких же протестов на Бахрейне оценки Вашингтона и арабских монархий были совершенно иными?

В этих условиях Белый дом избрал внешне казавшиеся нейтральными тактику и план действий, направленные на установление “общенационального диалога” между суннитскими властями и оппозиционными им группами, включая и те, которые в религиозном аспекте идентифицировали себя с шиизмом. Попытки же активного посредничества в этом диалоге, а точнее – контакты с лидерами оппозиции, и вызывали нередко негативную реакцию правящих кругов островного государства. Апогеем такого рода расхождений между Вашингтоном и Манамой стала высылка властями Бахрейна в начале июля 2014 г. помощника госсекретаря США по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Т. Малиновски, который прибыл в это островное государство с официальным трёхдневным визитом. После частной встречи с двумя лидерами ведущей оппозиционной группировки “Аль-Вафак” (“Согласие”) он был обвинён во вмешательстве во внутренние дела страны. Госдепартамент критически отреагировал на действия МИД Бахрейна, заявив следующее: “Визит помощника госсекретаря Малиновски на Бахрейн был оговорён заранее с правительством Бахрейна, которое приветствовало его. Оно также в курсе, что официальные лица США в обычном порядке проводят встречи с представителями официально признанных групп и организаций. Вопреки нашим многолетним двусторонним отношениям, а также в нарушение международного дипломатического протокола, правительство (Бахрейна. – *А.ИИ*) неожиданно начало настаивать на присутствии представителя своего МИД на всех част-

ных встречах Малиновски с отдельными представителями и группами лиц, воплощающими широкий спектр бахрейнского общества, включая встречи на территории Посольства США. Подобные действия несовместимы с отношениями твёрдого партнёрства между нашими странами”¹⁸.

Таким образом, к расхождениям между США и арабскими монархиями по тактическим вопросам в подходе к сирийскому конфликту добавились размолвки по проблеме урегулирования на Бахрейне, а также – что не менее важно – в подходе к оценке происходящего в Йемене. Дело в том, что вооружённый конфликт в этой арабской стране также вписывается в парадигму секторального (суннитско-шиитского) противостояния в регионе в целом.

Начиная с 2004 г. повстанцы-шииты (их часто именуют “хуситами” – по имени самой видной и авторитетной семьи самопровозглашенного имама Хусейна аль-Хуси, возглавившего мятеж) заметно активизировали свои претензии в адрес центральной власти, контролировавшейся суннитами. При поддержке, как утверждают многие источники, шиитского Ирана и ливанской “Хизбаллы” лидеры хуситских группировок провозгласили своей целью создание самостоятельного теократического государства (по-видимому, по типу Исламской республики Иран) на территории Йемена. И это при том, что, в отличие от Бахрейна, где шииты составляют большинство населения, в Йемене на них приходится не более трети жителей страны. Тогда мятеж был подавлен центральной властью при содействии Саудовской Аравии. Затем была попытка повторить восстание в 2009 г., но также безуспешно. Заявили о себе хуситские группировки и в ходе мощной волны протестов, охвативших Йемен в контексте событий “арабской весны” в 2011–2012 гг. В результате сложных и длительных переговоров при участии соседних арабских монархий Залива и Соединённых Штатов в стране, казалось бы, был найден компромисс – ушедшего (формально добровольно) с поста президента Али Абдаллу Салеха (кстати, северянина и близкого к хуситам) сменил его заместитель Абду Раббо Мансур Хади, суннит и южанин. Политический компромисс, однако, сохранялся недолго, и в 2014 г. – опять же при заметном вмешательстве Ирана, утверждают источники в суннитских кругах, хуситы подняли новый мятеж, в ходе которого захватили столицу город Сану, свергнув законное правительство, которое пришло к власти по результатам общенациональных выборов. Разразилась гражданская война.

Тогда, с целью положить конец кровопролитию и предотвратить превращение Йемена в сателлита враждебного шиитского Ирана “в самом сердце священного пространства суннитского ислама” (Аравийского полуострова с исламскими святынями в Мекке и Медине), арабские монархии во главе с Саудовской Аравией развернули военную операцию против хуситов. При этом они рассчитывали на полную и безоговорочную военно-политическую поддержку со стороны США. Однако получили её далеко не в том объёме, как предполагали: администрация Обамы ограничилась предоставлением логисти-

¹⁸ Statement on the Decision by the Government of Bahrain To Find Assistant Secretary Malinowski Persona Non Grata and To Expel Him From Bahrain – Press Statement Jen Psaki, Department Spokesperson, Washington, DC, 07.07.2014. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/07/228839.htm>. (accessed 10.07.2014).

ческой поддержки арабской коалиции, развединформации, а также развёртыванием нескольких своих кораблей в Арабском заливе с целью воспрепятствовать поставкам Ираном вооружений хуситам водным путём. В целом, следует подчеркнуть, что решение Эр-Рияда и его союзников начать военную операцию против захвативших столицу Йемена шиитских группировок вызвало в Вашингтоне сдержанно-критическую реакцию. Администрация Обамы явно стремилась не обременять себя обязательствами по возможному участию ещё в одном кризисе в регионе наряду с сирийским. Однако и отказать в политической поддержке своим союзникам администрация не могла, поскольку йеменский конфликт разразился (восстание хуситов началось, по сути, 8 июля 2014 г., а ввод войск арабской коалиции в Йемен произошёл 26 марта 2015 г.), пожалуй, в самый напряжённый период отношений между Вашингтоном и арабскими монархиями (начался этот разлад в отношениях, как отмечалось выше, с “химической сделки” осенью 2013 г., а ослабление напряжения обозначилось после саммита в Кэмп-Дэвиде в мае 2015 г.). В этих условиях отказ Вашингтона поддержать действия саудовской коалиции был чреват резким углублением противоречий между США и их арабскими союзниками.

Вот как известный эксперт К. Кацман описал позицию США в йеменском конфликте в своём выступлении в подкомитете по международным делам Палаты представителей Конгресса США: “Саудовская Аравия начала военную операцию, которую США явно не стремились поддержать... И, тем не менее, официальный Вашингтон счёл необходимым заявить публично о поддержке этой операции против хуситов. Но по мере затягивания сроков операции ситуация в Йемене всё больше дестабилизировалась, создавая возможности для экстремистов – таких как ‘Аль-Каида на Аравийском полуострове’ (АКАП) и ‘Исламское государство’ – усилить свое влияние. Более того, конфликт всё очевиднее подпитывал напряженность в саудовско-иранских отношениях”¹⁹.

Стремление администрации Обамы всячески избегать применения силы даже в минимальном размере во всех упомянутых конфликтах вызывало недовольство элит арабских монархий, которые, по сути, на протяжении последних десятилетий привыкли находиться под защитой зонтика безопасности Соединённых Штатов. Исчезновение силового компонента в подходе США к региональным конфликтам застало арабских партнёров Вашингтона врасплох и заставило срочно мобилизовывать собственный силовой потенциал для защиты своих интересов: в явной форме в Йемене и на Бахрейне, в скрытой – в Сирии (поставки лёгких вооружений и техники противникам режима Башара Асада).

Неожиданную возможность продемонстрировать силу и частично “оздоровить” отношения с арабскими монархиями в этом ключе предоставила атака в июне 2014 г. террористической группировки ИГИЛ (позднее она переименовалась в “Исламское государство” – ИГ), на территорию Ирака и провозглашение ею “халифата” в захваченных провинциях этой арабской страны и на вос-

¹⁹ Statement of Kenneth Katzman before Subcommittee on the Middle East and North Africa, House Committee on Foreign Affairs, House of Representatives Hearing On “The Gulf Cooperation Council Camp David Summit: Any Results?”. Serial No 114-68. – *U.S. Government Publishing Office* – W.2015. 09.07.2015, p.62.

токе Сирии. Такое развитие событий предоставило администрации Обамы возможность конкретизировать понятие “противник”, обозначив в этом качестве данную террористическую группировку, а также и организации, подобные ИГИЛ (в частности, “Джабхат ан-Нусра”, действующую на территории Сирии). Дело в том, что в сложившихся условиях Вашингтон не мог позволить себе бездействовать: в ответ на просьбу правительства Ирака, а также реагируя на варварскую казнь двух американских журналистов террористами ИГИЛ, в августе 2014 г. Пентагон начал проводить операцию по подавлению исламистских террористов с воздуха. Тем самым США оказывали поддержку действиям иракской армии и военизированным подразделениям курдов (Пеш-мерга).

Одновременно администрация Обамы приступила к формированию коалиции стран-союзников в борьбе против ИГИЛ. Её ядром стали традиционные партнёры США в регионе – Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Бахрейн, Иордания и Египет. Часть этих стран приняла участие в расширении воздушной операции под руководством США против ИГИЛ уже на территории Сирии, где начиная с 22 сентября 2014 г. авиация коалиции подвергала объекты ИГ бомбардировкам. В результате Вашингтон оказался перед необходимостью вернуться к формулированию своей стратегии в отношении Сирии, которая, напомним, выглядела весьма неопределённо после заключения в сентябре 2013 г. договорённостей о ликвидации правительством Асада химоружия. В своей речи 23 сентября 2014 г. Барак Обама особо подчеркнул, что не может быть никакого тактического взаимодействия с режимом Асада даже в контексте борьбы с террористическими группировками в Сирии и Ираке; Вашингтон возвращается к поддержке сирийских повстанцев и связанных с ними умеренных группировок, провозглашающих своей целью установление демократии в Сирии²⁰. Такая позиция Вашингтона способствовала некоторому восстановлению доверия к нему со стороны арабских партнёров, но вряд ли давала надежду на скорое урегулирование сирийского кризиса в целом.

Основательно преодолеть напряжённость в отношениях с арабскими партнёрами администрация Обамы попыталась посредством проведения в Вашингтоне (в загородной резиденции президента Кэмп-Дэвид) встречи на высшем уровне Барака Обамы с лидерами стран “нефтяной шестёрки” в рамках САГПЗ. План этот, однако, начал буксовать с самого начала: на приглашение американского президента отреагировали положительно лидеры только двух из шести государств Залива (Кувейта и Катара) – остальные направили вместо себя ответственных чиновников. Тем не менее встреча высокого уровня состоялась в середине мая 2015 г. Завершилась она принятием совместного коммюнике, в котором провозглашалось “новое партнёрство Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива с Соединёнными Штатами”. Главное его отличие от прежнего формата партнёрства состоит в следующем:

²⁰ President Obama's full statement on the beginning of airstrikes in Syria. – *Vox Media*, September 27, 2014. Available at: <http://www.vox.com/xpress/2014/9/23/6833357/read-president-obamas-full-statement-on-the-beginning-of-airstrikes> (accessed); U.S. Officials Seek to Limit Fallout from Internal Dissent on Syria. – *Reuters*. 17.06.2016. Available at: <http://www.fromthetrenchesworldreport.com/u-s-officials-seek-to-limit-fallout-from-internal-dissent-on-syria/162559> (accessed 20.06.2016).

если начиная с конца 40-х годов прошлого столетия и до 2015 г. США гарантировали своим арабским партнёрам обеспечение безопасности готовностью и угрозой применить всю свою военную мощь против внешней агрессии (с этой целью в Заливе и прилегающей акватории Индийского океана размещены несколько американских авианосцев), то теперь речь идёт главным образом об обязательстве Вашингтона поставлять арабским монархиям современное вооружение, наращивать взаимодействие в сфере обеспечения безопасности морских путей, в киберпространстве, а также в области борьбы с терроризмом, содействовать в подготовке воинских частей этих государств, а также наладить систему противоракетной обороны в масштабах всего Западного побережья Залива. Особо оговаривалось, что основной боевой силой должна стать совместная армейская группировка арабских монархий, которую, по сути, и намерено вооружать и тренировать Министерство обороны. Лидеры арабских монархий, судя по всему, уже были готовы к такому повороту событий в отношениях с США, а именно - к призывам делать ставку на собственные объединённые вооружённые силы, которые начали качественно реформироваться и реструктурироваться ещё на протяжении 2014 г. (после принятия в декабре 2013 г. решения о создании единого командования). Не менее важным элементом “нового американско-арабского партнёрства” стало и подтверждение всеми участниками встречи высшего уровня готовности противодействовать “дестабилизирующей активности” Ирана. Тем самым были смягчены или даже сняты опасения лидеров арабских монархий, что при Бараке Обаме США могут перейти к партнёрским отношениям с Ираном в ущерб монархиям²¹.

Примечательно, что, как и предыдущий формат партнёрства США с арабскими монархиями, новый не был скреплён обязывающими документами. Это вызывало определённые возражения ряда арабских участников встречи, в частности, Саудовской Аравии. Посол королевства в Вашингтоне Юсеф аль-Утейба сказал в этой связи следующее: “В прошлом мы обходились джентельменским соглашением относительно обязательств США обеспечивать нашу безопасность. Я думаю, что сегодня нам необходим документ, фиксирующий обязательства сторон. Мы должны институализировать сотрудничество”. Однако администрация Обамы сочла приемлемым ограничиться лишь совместной декларацией под предлогом, что любой вариант договора будет заблокирован в Конгрессе, который тем самым выражает опасения, что обязывающий договор может ввязать США в любые, в том числе и нежелательные боевые действия в Заливе.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 2013–2016 гг. администрация Обамы пыталась придерживаться единообразного подхода к конфликтам в арабских странах, разразившимся на фоне феномена “арабской весны”. Этот подход основывался на презумпции оправданности и правомерности восстаний значительной части населения в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии против авторитарно-диктаторских правителей и системы правления в це-

²¹ Annex to U.S. Gulf Cooperation Council Camp David Joint Statement // The White House. 14.05.2016. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/05/14/annex-us-gulf-cooperation-council-camp-david-joint-statement>. (accessed: 20.05.2016).

лом, за демократические преобразования там. Важным элементом американской стратегии была и остаётся установка на невмешательство в такого типа конфликты, перешедшие в стадию гражданской войны (в Ливии в 2012 г. была проведена операция НАТО с частичным участием американской авиации).

Если в отношении перечисленных стран данный подход Вашингтона встречал понимание и поддержку арабских монархий и Израиля, то в случаях с Бахрейном и Йеменом политика Вашингтона вызывала скорее недоумение и разочарование арабских партнёров. Ибо в последних двух случаях победа протестного движения в его нынешнем состоянии (в Йемене в 2011 г. оно трансформировалось из общенационального движения демократической направленности в, по сути, секторальное, т.е. в шиитское и проиранское – хуситы) означало бы победу шиитов с угрозой выхода этих стран из суннитского сообщества арабского мира. Ставка Вашингтона на стратегию и механизм национального диалога в Йемене и на Бахрейне была воспринята суннитскими монархиями с изрядной долей скептицизма и подозрения Соединённых Штатов в стремлении не противостоять экспансионистскому Ирану, а потворствовать ему с перспективой дальнейшего улучшения отношений с Тегераном. Эта линия администрации Обамы вкупе с устойчивым отрицанием намерения применить силу хоть в каком-то виде и формате против режима Башара Асада в Сирии постоянно подпитывали критическое отношение арабских партнёров и Израиля к американской администрации.

Между тем, с целью сохранить партнёрские отношения с арабскими монархиями и своё влияние на процесс развёртывания их военно-стратегических усилий в регионе Вашингтон, со своей стороны, сделал ставку на совместную борьбу с террористической угрозой, воплощавшейся в запрещённых в России группировках “Исламское государство” и “Джабхат Фатх аш-Шам” (бывшей “Джабхат ан-Нусра”), действовавших на территории Сирии и отчасти Ирака. Именно в этом контексте, как уже отмечалось выше, в 2014 г. США выступили инициатором создания широкой международной коалиции против ИГИЛ, значительная роль в которой отводилась арабским монархиям Персидского залива.

“Глобально-коалиционный” подход Обамы к проблемам Сирии и Ирака

Самым ярким проявлением отхода от “односторонности действий” применительно к конфликтам в Ближневосточном регионе стала инициатива администрации Обамы по созданию “глобальной коалиции” по борьбе с террористической группировкой “Исламское государство” (ИГИЛ, ДАИШ). Впрочем, данный подход не отличался оригинальностью, поскольку предшественники Обамы в Белом доме, оба Дж. Буша – старший в 1991 г. и младший в 2003-м, также действовали не в одиночку против режима Саддама Хусейна в Ираке, а во главе коалиционных объединений. Разница, пожалуй, в том, что в республиканских коалициях США играли однозначно главную роль, беря на себя большую часть финансового бремени и формируя основную ударную силу, в то время как в обамовской коалиции функции и ответственность распределе-

ны между различными государствами, что позволяет, с точки зрения Вашингтона, назвать это объединение “коалицией равных”.

Тем не менее, в военном аспекте США с самого начала играли и продолжают играть ведущую роль. Это явствует и из хронологии событий, связанных с созданием коалиции. После того как 10 июня 2014 г. боевики ИГИЛ захватили Мосул (затем ещё ряд населённых пунктов в Ираке, подошли вплотную к Багдаду), а 29 июня объявили о создании “халифата”, Министерство обороны пыталось поначалу оказывать консультационную поддержку иракской армии (советники, тренировочные центры). Последняя, однако, терпела одно поражение за другим, что вынудило США приступить к воздушным операциям против ИГИЛ 8 августа 2014 г. По ходу наращивания воздушных ударов к США присоединились 27 государств, которые, по сути, стали основой ударной группировки коалиции. Позднее к этой группе стран присоединились ещё 40 государств.

Принципиально важно подчеркнуть, что в основе всей кампании лежит, по выражению военного аналитика Кетлин Дж. Маккинис, “философия, согласно которой лидирующую роль должны взять на себя иракцы и их соседи, а США и коалиционные силы должны сосредоточиться на оказании поддержки иракцам, сирийцам и другим группам населения, а не брать на себя ответственность за проведение масштабных наземных операций”²².

Иными словами, в отличие от вышеупомянутых “республиканских коалиций” обоих Дж. Бушей, в данном случае участники кампании не предполагают проведение своими силами наземных операций. Эта функция изначально возлагалась на боевые (армейские) группировки иракцев и курдов, а также отряды сирийской оппозиции.

Второе отличие данной коалиции от предыдущих просматривается в целевых установках, в комплексном подходе к решению главной задачи – “разрушение раковой опухоли ИГИЛ в Ираке и Сирии, нанесение поражения этой террористической группировке повсюду, защита территорий от угроз со стороны ИГИЛ”²³.

Комплексный, всеобъемлющий характер концепции коалиции просматривается в определённых её ведущих участниками пяти направлениях деятельности:

- оказание поддержки военным операциям, наращивание боевой мощи региональных партнёров, подготовка и тренировка персонала (ответственны Соединённые Штаты и Ирак);
- предотвращение притока террористов из-за рубежа (ответственны Нидерланды и Турция);
- перекрытие каналов финансирования ИГИЛ (Италия, Саудовская Аравия, США);

²² McInnis K. 2016. Coalition Contributions to Countering the Islamic State. – *Congressional Research Service* 7-5700. R44135. August 24. P. 2-3.

²³ Cronk T. 2016. Carter: Counter-ISIL Defense Ministers Unanimously Support Objectives. – *U.S. Department of Defense*. 11.02. Available at: <http://www.defense.gov/News-Article-View/Article/655155/carter-counter-isil-defense-ministers-unanimously-support-objectives>.

- оказание гуманитарной помощи страдающему населению, предотвращение гуманитарных катастроф (Германия, ОАЭ);
- проведение информационной кампании с целью разоблачения природы и опасности “Исламского государства” (ОАЭ, Великобритания, США).

Следует подчеркнуть, что инициатор создания коалиции – администрация Обамы – постоянно подчёркивала, что военные операции составляют только часть комплексных усилий по противодействию ИГИЛ, утверждая, что успех кампании во многом зависит от достижений в невоенных областях²⁴.

Правовой основой деятельности “широкой коалиции” стали резолюции Совбеза ООН 2170 (2014 г.), 2178 (2014 г.) и 2199 (2015 г.), принятые на базе главы VII Устава ООН, предполагающей применение силы. Важно подчеркнуть, что речь идёт о противодействии террористическим группировкам (упоминаются конкретно ИГИЛ и “Джабхат ан-Нусра”), распространившимся на территориях двух государств – Ирака и Сирии²⁵.

Немаловажен в этом плане и внутриаполитический аспект в США, связанный с правом президента применять военную силу: ряд представителей политического истеблишмента в Вашингтоне считают, что в любом случае предполагаемого применения силы Белый дом должен предварительно заручиться согласием Конгресса. В свою очередь, окружение президента Обамы настаивает на достаточности уже имеющейся правовой базы в виде закона № 107-40 от 18 сентября 2001 г. и закона № 107-243 от 16 октября 2002 г. (последний – в отношении Ирака)²⁶.

По предоставленной Министерством обороны информации, с 8 августа 2014 г. по 28 июня 2016 г. авиация коалиции нанесла 13470 ударов, из которых 9099 по целям ИГИЛ в Ираке и 4710 на территории Сирии. К концу мая 2016 г. было уничтожено 26374 объекта (цели).

С августа 2014 г. по конец июня 2016 г. на антитеррористические операции в рамках коалиции США потратили 7,5 млрд. долл. – из расчёта 11,7 млн. долл. в день²⁷.

В ответ на активизацию бомбардировок коалиции к осени 2015 г. руководство ИГИЛ привнесло новые элементы в свою стратегию – попыталось расширить зону террористической активности путём развязывания террористических операций в столицах европейских государств (в Париже и Брюсселе), а также в США (Сан-Бернардино). Одновременно оно начало оказывать поддержку террористическим группировкам в Ливии, для деятельности которых в этой стране образовался оперативный простор. В этих условиях администрация Обамы предложила партнёрам по коалиции пересмотреть часть элемен-

²⁴ Garamone J. 2015. Wormuth Stresses Whole-of-Government Approach to ISIL. – *DoD News*. 13.07.

²⁵ Security Council Adopts Resolution 2170 (2014) Condemning Gross, Widespread Abuse of Human Rights by Extremist Groups in Iraq, Syria – SC/11520. 15.08.2014. Available at: <http://www.un.org/press/en/2014/sc11520.doc.htm>. (accessed 30.08.2014)..

²⁶ Public Law 107-40 – Authorization for use of Military Force – GPO.GOV/FDSYS/PKG/PLAW-107PUBL40 //; Public Law 107-243 – Authorization for use of Military Force against Iraq Resolution of 2002 – GPO.GOV/FDSYS/PKG/PLAW-107PUBL243/CONTENT-DETAIL.HTML

²⁷ “Operation Inherent Resolve: Targeted Operations Against ISIL Terrorists”. – U.S. Department of Defense Available at: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0814_Inherent-Resolve.

тов стратегии, в частности, отойти от принципа “Сначала Ирак” (*Iraq First*) и приступить к операциям подавления ишиитов в других странах региона.

В рамках этой корректировки стратегии Министерство обороны сформировало Экспедиционную группу специальных операций – ЭГСО (*Expeditionary Targeting Force, ETF*) в составе 200 военнослужащих. Формально задачи ЭГСО остаются засекреченными, но аналитики склонны полагать, что спецназовцы США проводят рейды и ограниченные операции на земле, а также собирают разведывательную информацию²⁸. В конце июня Минобороны Великобритании также сообщило о направлении в Ирак контингента из 250 военнослужащих-спецназовцев²⁹.

Добавим также, что в сентябре 2016 г. порядка 150 французских спецназовцев были дислоцированы в районе Мосула³⁰. Речь в основном идёт о наземном обеспечении воздушных операций коалиции, а также – обучении иракских военнослужащих.

Начало операции по освобождению иракского города Мосул от группировок ИГИЛ в середине октября 2016 г. может рассматриваться как переход коалиции к активным наступательным действиям на земле при опоре на иракскую армию, сирийских повстанцев и курдские формирования Пешмерга. Определённое содействие операции оказывают, судя по имеющейся информации, и группы спецназа вышеперечисленных западных государств. Первые успехи наступления обозначились к началу ноября, когда опекаемая коалицией группировка вступила в восточные пригороды Мосула. На этом фоне 24 октября министр обороны Э. Картер заявил, что операция по освобождению Мосула должна проводиться одновременно с такой же операцией по освобождению столицы ИГИЛ города Ракка в Сирии³¹. Тем не менее, создаётся впечатление, что с принятием решений на сей счёт администрация Обамы предпочла не спешить, рассчитывая, по всей видимости, переложить груз ответственности уже на своих преемников в Белом доме. Важным негативным обстоятельством в этом плане стало отсутствие необходимого взаимодействия с российским контингентом в Сирии, который в конце 2016 г. заметно укреплялся оборонительными и ударными подразделениями (размещение ЗРК С-300, дислокация боевых кораблей у сирийского побережья, включая авианесущий крейсер “Адмирал Кузнецов”, и т.д.). Напомним, что отношения между Москвой и Вашингтоном заметно осложнились, в частности, после якобы непреднамеренной и ошибочной бомбардировки американской авиацией подразделений сирийской армии в городе Дейр эз-Зор 17 сентября 2016 г. В результате правительство

²⁸ Lamothe D. 2016. The Fight Against The Islamic State Just Entered a New Phase – And It Could Grow Soon. – *The Washington Post*. 20.01.

²⁹ Payton M. 2016. Britain to Send Another 250 Troops to Iraq to Help Local Forces Fight ISIS – *The Independent*. 30.06.

³⁰ Corbe S., Charlton A. 2016. French Military Bolsters Iraq Presence for Mosul Offensive – *Military.com*. 30.09. Available at: <http://www.military.com/daily-news/2016/09/30/french-military-bolsters-iraq-presence-mosul-offensive.html> (accessed 10.10.2016).

³¹ Pellerin C. Carter, Inherent Resolve Commander Brief Operations in Iraq, Syria. – *U.S. Department of Defense*. 24.10.2016. Available at: <http://www.defense.gov/News/Article/Article/984184/carter-inherent-resolve-commander-brief-operations-in-iraq-syria> (accessed 30.10.2016).

Дамаска с одобрения Москвы вышло из согласованных накануне (9 сентября) договорённостей о прекращении огня. Позднее и Вашингтон объявил о прекращении взаимодействия с Россией по Сирии в прежнем (во многом двустороннем) формате.

Можно предположить, что по мере активизации боевых действий против ИГИЛ (с Россией или без неё) нынешняя – “достаточно рыхлая”, по мнению аналитиков – коалиция 67 государств получит дополнительный стимул для консолидации. В зависимости от развития ситуации на поле боя резонно ожидать изменения характера и содержания оперативного поведения этого объединения, в частности, в результате более активного задействования её составляющих в операциях по освобождению Ирака и Сирии от ИГИЛ. Главной политической проблемой для многих членов коалиции может стать вопрос о непосредственной – в случае необходимости – поддержке подразделений сирийских повстанцев в их борьбе против режима Башара Асада, иными словами, вопрос о де-факто вступлении стран коалиции в гражданскую войну в Сирии на стороне повстанцев.

Список литературы

Шумилин А. 2015. *Политика США на Ближнем Востоке в контексте “арабской весны”*. Москва: Международные отношения. 336 с.

Шумилина И. 2015. Проарабское лобби в США: между политикой и энергетикой – *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. №4. С. 18–34.

References

Shumilin A. 2015. *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste “arabskoi vesny”* [Shumilin A. U.S. Politics in the Middle East in Regard of the Arab Spring]. Moscow: International Relations Publ. 2015. 336 p. (In Russ.).

Shumilina I. Proarabskoe lobbi v SShA: mezhdu politikoi i energetikoi [Shumilina I. 2015. The Arab Lobby in the USA: in Between Politics and Energetics] – *USA ❖ Canada Journal*. No 4. P. 18–34 (In Russ.).

Lizza R. 2011. How the Arab Spring remade Obama’s foreign policy – *The New Yorker*, 2.05.

Mandela N. 1995. *Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela*. NY: Back Bay Books. 517 p.

Evolution of U.S. Approach Toward Middle East Conflicts

(*USA ❖ Canada Journal*, 2017, No. 1, p. 32–53)

Received: 7.11.2016.

SHUMILIN Alexander Ivanovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation (*mideast@mail.ru*).

Contrary to the policy of George Bush-junior, the Barack Obama administration's line consisted in avoidance of its immediate involvement into the Middle East conflicts while preferring to act through its Arab proxies. The latter, in their turn, insisted on a more intense US support of the Sunni Arab efforts in Syria and Yemen as well. The deepened divergence between the Gulf Arabs and the U.S. prompted Washington to proceed to create a large coalition with the purpose to fight the ISIS.

Given that the Obama administration resorted to some steps to bring to normal its relationship with the Arab partners. In the mid-May 2015 it tried to convene a reconciliatory summit inviting the Gulf Arab leaders to the Camp David residence. It concluded with adoption of joint statement asserting a "new partnership concept between the GCC and the USA". It stipulated a rather limited responsibility of Washington as to ensure security for the Gulf partners as compared to the previous total security commitment. Now the USA is supposed to be committed to provide modern weaponry, to develop cooperation in securing the maritime communications, as well as in cyber security and in fighting terrorism, to train the military units of the GCC and finally to deploy an updated anti- aircraft system. Besides, the main battle force was supposed to be made up of the local GCC countries armies.

Another not less important component of the "renewed American-Arab partnership" was stated as the confirmed readiness of both sides to counter and deter the Iran's "destabilizing activity". This point was of particular importance pertaining to ease as well as to remove the fears of the Gulf Arabs over the Barack Obama's being able to pass to a partnership with Iran at the expense of the GCC.

Keywords: *U.S. partnership with the Gulf monarchies, the Syrian conflict, military clashes in Yemen, global antiterrorist coalition, ISIS activity, war on terror, new format of the U.S. partnership with the Arab states, new conflict strategy of the U.S.*

About the author

SHUMILIN Alexander Ivanovich, Doctor of Sciences (Political), head of the Center for Middle East Conflict Analysis.